

Высшее образование в регионах ресурсного типа: между задачами ведомственного и регионального развития

Маргарита Владимировна Курбатова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, e-mail: kurbatova-07@mail.ru

Инна Вениаминовна Донова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, e-mail: idonova@gmail.com

Елена Анатольевна Кранзеева

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, e-mail: elkranzeeva@mail.ru

Цитирование: Курбатова, М.В., Донова, И.В., Кранзеева, Е.А. (2021). Высшее образование в регионах ресурсного типа: между задачами ведомственного и регионального развития // *Terra Economicus* **19**(1): 109–123. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-109-123

Одним из важнейших направлений современных исследований в настоящее время становится характеристика последствий оптимизации расходов в условиях массовизации высшего образования. При этом объективный процесс дифференциации целей и задач вузов трансформируется под воздействием образовательной политики, например, в результате реализации определенного варианта «инициатив превосходства», обеспечивающих концентрацию ограниченных ресурсов в узкой группе привилегированных вузов. Важнейшим направлением реформирования российской системы высшего образования в начале 2000-х годов стала дифференциация вузов, их распределение по уровням, имеющим разный статус и объемы государственного финансирования. В данной статье выделены две составляющие данной дифференциации, по-разному актуализированные в современных исследованиях. Первая – распределение вузов по уровням, их стратификация. Вторая – локализация региональных систем высшего образования, которая является следствием территориальной локализации спроса на образовательные услуги. Ресурсная стратификация вузов в данных условиях становится важнейшим фактором усиления социально-экономической неравномерности развития территорий. Целью данной работы является определение места систем высшего образования регионов ресурсного типа в российской системе высшего образования. Проведен сравнительный анализ развития региональных систем высшего образования РФ. Исследование показало, что региональные системы высшего образования в регионах ресурсного типа (за редким исключением) оказались в относительно худшем положении, как по базированию статусных вузов, так и по динамике численности студентов. Ресурсная стратификация вузов идет в направлении развертывания процессов сегментации, формирования высоких барьеров между региональными системами высшего образования, выталкивающих из регионов наиболее способных абитуриентов и запускающих отрицательный отбор населения по уровню запасов человеческого капитала.

Ключевые слова: система высшего образования; дифференциация вузов; ресурсная стратификация вузов; региональные вузы; регионы ресурсного типа

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-010-00244 «Институциональная организация рынка труда в регионах ресурсного типа».

Higher education in the resource-type regions: Between the aims of departmental and regional development

Margarita V. Kurbatova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, e-mail: kurbatova-07@mail.ru

Inna V. Donova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, e-mail: idonova@gmail.com

Elena A. Kranzeeva

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, e-mail: elkranzeeva@mail.ru

Citation: Kurbatova, M.V., Donova, I.V., Kranzeeva, E.A. (2021). Higher education in the resource-type regions: Between the aims of departmental and regional development. *Terra Economicus* **19**(1): 109–123. (In Russian.) DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-109-123

Cost optimization policy in the mass higher education is an important area of current research. In fact, differentiation of goals and objectives of universities is being transformed under educational policy. An example is the implementation of some variation of the «excellence initiatives» that concentrate limited resources in a small group of privileged universities. Differentiation of universities became the most important feature of the Russian higher education reform in the early 2000s. Higher education institutions were ranked according to their status and public funding. This article examines two aspects, highlighted differently in current studies. The first aspect is the differentiation of universities by level, and their stratification. The second aspect is the localization of regional systems of higher education as a result of the territorial localization of demand for educational services. Resource stratification of universities is becoming an important factor in both strengthening and smoothing out the socio-economic uneven development of territories. The aim of the article is to determine the place of higher education systems in the resource-type regions. We conducted a comparative analysis of the development of higher education systems in resource-type regions. We assume that the positions of the educational systems of the resource-type regions in the Russian higher education are weakening. Research findings demonstrate that the regional systems of higher education in resource-type regions were in a relatively worse position, with the location of the high-status universities and the dynamics of the number of students as the main indicators. The resource stratification of universities is associated with the segmentation processes that push the most talented applicants out of the regions and trigger a negative selection of the population in terms of human capital stocks.

Keywords: higher education system; differentiation of universities; resource stratification of universities; regional universities; resource-type regions

Acknowledgements: This research is supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Grant №. 19-010-00244 «Institutional setup of the labor market in resource type regions»

JEL codes: I21, I23, I25

Введение

В начале 2000-х годов российская система высшего образования вступила на путь реформирования. Реализация одних мероприятий по ее преобразованию, без остановки на критический анализ результатов произошедших изменений, сменялась следующими. Ни результаты иссле-

дований (Балацкий, 2015; Вольчик, 2013; Тамбовцев, Рождественская, 2014; Фадеева, Федосеева, 2015 и др.), ни сигналы со стороны вузовской общественности¹ не смогли сломить решимость Минобрнауки РФ в проведении реформ высшего образования по выбранному курсу. Данный курс был продиктован ведомственной логикой повышения эффективности отрасли, рассматриваемой преимущественно с позиций финансовой оптимизации (Курбатова, 2016; Курбатова, Дюнова, 2019b) и повышения конкурентоспособности российских вузов на мировых рынках. Он включает: дифференциацию и создание своеобразной пирамиды вузов разного статуса и ресурсного обеспечения; создание квазирынков, на которых назначенные «национальные чемпионы» конкурируют за потребителя со всеми другими; оценку результативности по критериям международной конкурентоспособности (по наукометрии, доходам от НИР, доле иностранных студентов), либо по достижению показателей, установленных для отрасли (например, по эффективной заработной плате). Решение задач воздействия вузов на региональное развитие и на социум в целом долгое время игнорировалось реформаторами российской системы высшего образования.

Некоторый сдвиг от ведомственной логики реформирования к логике регионального развития был связан с созданием федеральных университетов (2006–2014 гг.) и формированием опорных университетов (2016–2017 гг.)². Однако какой-либо существенной ресурсной поддержки данное направление реформирования не получило. Ведомственная логика сохранилась, вузовское сообщество отчаялось ждать назревших перемен.

Целью данной работы является определение места систем высшего образования регионов ресурсного типа в российской системе высшего образования. Выбор в качестве объекта исследования регионов ресурсного типа обусловлен их особой ролью в социально-экономическом развитии в качестве поставщика природных и финансовых ресурсов. Основной гипотезой исследования является предположение о том, что в условиях сформировавшегося институционального дизайна российской системы высшего образования позиции региональных систем высшего образования данных регионов ослабляются.

Сеть вузов

Важнейшим направлением реформирования российской системы высшего образования в начале 2000-х годов стало изменение ее структуры, точнее дифференциация вузов, их распределение по уровням, имеющим разный статус и объемы государственного финансирования. В целом, подход, основанный на дифференциации целей и задач вузов, находится в мировом тренде структурирования национальных систем высшего образования. Так, по мнению Д. Дугласа, следующий за массовизацией высшего образования этап развития предполагает перестройку этих систем «так, чтобы включить большее разнообразие вузов с различными функциями». Формирующуюся систему он называет «структурированным рынком возможностей». Данный «структурированный рынок возможностей» призван обеспечить расширенный доступ к высшему образованию студентов с разными способностями и целями получения высшего образования и обеспечить при этом сдерживание расходов – как для отдельных людей, так и для правительств (Дуглас, 2011: 77–78).

Таким образом, в условиях современных технологических сдвигов и социальных трансформаций изменение вузовской сети должно идти по пути более тонкой подстройки под запросы непосредственных потребителей (домохозяйств) и заинтересованных лиц (бизнеса; субъектов, ответственных за развитие отраслей и регионов, страны в целом). Это, в свою очередь, предполагает усиление дифференциации вузов. Проблемам дифференциации российских вузов посвящено немало исследований (Абанкина и др., 2013; Вашурина и др., 2014; Князев, Дрантусова,

¹ Университетская солидарность. Официальный сайт Межрегионального профсоюза работников высшей школы. <http://unisolidarity.ru>; Эксперты ОНФ: Эффективный контракт не обеспечивает защиту трудовых прав преподавателей вузов. <https://onf.ru/2017/11/28/eksperty-onf-effektivnyy-kontrakt-ne-obespechivaet-zashchitu-trudovyh-prav-prepodavateley/>.

² Положение о порядке проведения конкурсного отбора образовательных организаций высшего образования на финансовое обеспечение программ развития федеральных государственных образовательных организаций высшего образования за счет средств федерального бюджета. Утверждено заместителем Министра высшего образования и науки Российской Федерации 17 февраля 2017 г. (<http://опорныйуниверситет.рф/documents>).

2013; Кранзеева, 2017). Так, Е.А. Князев и Н.В. Дрантусова под дифференциацией вузов понимают «процесс формирования устойчивых моделей организации деятельности, ведущий к появлению групп вузов, схожих по целям, стратегиям, организации основных процессов и т.д., и отличающихся от других» (Князев, Дрантусова, 2013: 265).

На наш взгляд, в дифференциации целей и задач вузов можно выделить две составляющие, по-разному актуализированные в современных исследованиях.

Первая составляющая – это распределение вузов по уровням, их стратификация. Она производна от спроса на работников с разным объемом человеческого капитала, а также от дифференциации образовательных запросов населения. Следствием же является неравномерность распределения ресурсов между вузами и их ресурсная стратификация. Расслоение вузов по ресурсной обеспеченности (финансовой, материально-технической, кадровой) становится важнейшим фактором оптимизации расходов общества на высшее образование. При этом глубина этой ресурсной стратификации зависит, во-первых, от охвата высшим образованием. В национальных системах с высокой долей охвата высшим образованием эта неравномерность выше (Таловская, Лисюткин, 2018: 25). Система высшего образования в данном случае более гибко реагирует на дифференциацию спроса домохозяйств на образовательные услуги. Эффект масштаба позволяет сформировать «структурированный рынок возможностей» и обеспечить решение задач по производству человеческого капитала разного уровня. Во-вторых, от государственной образовательной политики. Структурирование вузов в национальных системах (фактически речь идет о сегментации рынка образовательных услуг, с наличием высоких барьеров между образовательными учреждениями разного типа) призвано решать проблему одновременной реализации двух целей при оптимизации расходов на образование: обеспечения международной конкурентоспособности системы образования, науки и национальной экономики в целом; обеспечения доступности массового высшего образования. При этом обе цели должны быть в поле зрения образовательной политики государства и иметь ресурсное обеспечение. В современной российской системе высшего образования одновременная реализация этих двух целей достигается за счет закрепления разных статусов вузов (вузы с особым статусом, федеральные университеты) и проведения различных конкурсов, предполагающих особые условия финансирования вузов (национальные исследовательские университеты, программа «5–100», опорные университеты).

Данное направление в настоящее время привлекает все большее число исследователей. Предпринимаются попытки измерить разнообразие и характер детерминант системы высшего образования (Barbato, Turri, 2019), типологии институционального разнообразия в системе (Harris, 2020). Ряд авторов выделяют конкуренцию за престижные и государственные и частные субсидии, исследуя последствия этих процессов в США, ЕС и Канаде. Они приводят доводы в пользу того, что национальные и региональные подходы к политике и рынкам приводят к различным последствиям академического капитализма. В то время как эти сдвиги служат интересам одних учреждений, другие (с застойной или сокращающейся ресурсной базой) испытывают трудности в удовлетворении все более высоких ожиданий (Slaughter, Taylor, 2016). Такие механизмы финансирования создают системы «победителей и проигравших» и неоднородные эффекты для разных типов учреждений, которые приносят пользу учреждениям с высокими ресурсами и накладывают финансовое бремя на учреждения с ограниченными ресурсами (Наgood, 2019).

Вторая составляющая дифференциации вузов связана с их пространственным размещением. Выстраивание сети вузов на основе обеспечения решения разного уровня задач по производству человеческого капитала является недостаточным для стран, обладающих обширными территориями, перед которыми стоят проблемы пространственного развития. Для них важнейшей задачей является создание такой территориальной сети вузов, которая обеспечивает доступность услуг высшего образования и уровень накопления человеческого капитала, позволяющий определенной территории успешно конкурировать с другими регионами и обеспечивать высокий уровень социально-экономического развития. Это – проблема локализации в национальной системе высшего образования, которая является следствием территориальной локализации спроса на образовательные услуги как социально значимые блага (на разных территориях, в

зависимости от социокультурных факторов и актуализации проблем развития, запрос на них может различаться). Ресурсная стратификация вузов в данных условиях становится важнейшим фактором как усиления, так и сглаживания социально-экономической неравномерности развития территорий. Во многом это зависит от распределения по территории страны исторически сложившихся университетских центров как ведущих акторов «треугольника знаний», которые генерируют знания, реализуя образовательные программы и научные проекты; создают новые продукты, процессы и услуги, взаимодействуя с бизнесом и обществом (Унгер, Полт, 2017: 11; Cervantes, 2017), а также от реализуемой образовательной политики дифференциации вузов.

Очевидно, что с особой остротой неравномерность образовательного развития и связанная с ним неравномерность социально-экономического развития регионов стоит перед странами с обширными территориями. В условиях развития миграционных процессов она может привести к перетокам человеческого капитала и формированию в одних регионах «добродетельных кругов» развития, а в других – «ловушек бедности». Данная проблема наиболее актуальна для США, объединенной Европы, КНР и, конечно же, России. Так, Китай, одна из крупнейших стран в мире, испытывает колоссальные разрывы в уровне экономического развития между юго-восточными (прибрежными) и северо-западными (внутренними) провинциями, так что «материковые» университеты не спасает даже включение многих из них (например, Хунань и Ланьчжоу) в китайские аналоги «5–100» («Double First Class University Plan») (Wang, 2019). Относительно небольшие европейские государства также имеют выраженные географические различия в развитии отдельных макрорегионов и административных образований. Например, в Италии традиционно это линия деления на центрально-северные и южные регионы, в Великобритании – специфика Уэльса и Шотландии (Faggian, 2006; Ciriaci, 2014).

Общим аргументом для оценки вклада высшего образования в региональное развитие является то, что качество регионального вуза повышает привлекательность региона и поддерживает его экономический рост, удержание выпускников на местном рынке труда является многообещающим путем решения экономических проблем (Abel, Deitz, 2012). Инициатива и регуляторика здесь имеют особенное значение, поскольку «человеческий капитал может накапливаться только в более богатых регионах, где региональная отдача от образовательной политики будет увеличиваться еще больше, а остальная часть страны будет отставать» (Ciriaci, 2014). В литературе обсуждается наличие не только прямых, но и косвенных эффектов от высшего образования (Bluestone, 1993), что влияет на вопросы сбалансированности регионального развития. Если между регионами не происходит крупных финансовых трансфертов, значительный чистый отток человеческого капитала объясняется меньшими государственными инвестициями в высшее образование в регионах, где наблюдается чистый отток выпускников (Faggian, McCann, 2009).

Современная сеть российских вузов в постсоветский период формировалась преимущественно под задачи выживания самой вузовской системы (1990-е и начало 2000-х гг.), позднее – под решение проблем ее финансовой оптимизации и повышение качества образования (2010-е годы). При этом инструменты повышения международной конкурентоспособности российских вузов – «инициатива превосходства», обеспечивающая концентрацию ограниченных ресурсов в узкой группе привилегированных российских вузов (Лисюткин, 2017: 75), стали инструментами стратификации вузов и нарастания проявлений «академического капитализма» (в том числе масштабного перераспределения наиболее квалифицированных профессорско-преподавательских кадров, наиболее подготовленных абитуриентов и студентов в статусные вузы). В ходе преобразований пространственный аспект стратификации лишь в малой степени был учтен при формировании сети федеральных университетов и опорных университетов, в других же программах развития сети российских вузов он не был значимым. В результате произошел слом советской модели организации вузовской системы, ориентированной на потребности развития народного хозяйства и экономического пространства страны. Формирующаяся же российская модель была вырвана из контекста пространственного и экономического развития, стала ориентироваться на внешние образцы реформирования высшего образования и обеспечения, прежде всего, ее международной конкурентоспособности.

Отличительной чертой советской модели кадрового обеспечения развития страны было, во-первых, централизованное распределение выпускников ведущих вузов; во-вторых, создание сети региональных вузов. Социально-экономическое развитие обеспечивалось человеческим капиталом разного уровня при оптимальном использовании ресурсов. При этом сеть региональных вузов развертывалась по мере ослабления механизмов централизованного распределения выпускников. С середины 1950-х гг. росло число университетов, открылось значительное число новых университетов, в первую очередь, в столицах автономных республик, в областных и краевых центрах (Аврус, 2001: 62). В результате сформировалась достаточно стройная вузовская система, хорошо описанная в работе Я.И. Кузьмина, Д.С. Семенова, И.Д. Фрумина.

В данную систему входили региональные инфраструктурные вузы (педагогические, медицинские, политехнические, сельскохозяйственные) с головными вузами в столицах; отраслевые вузы, базирующиеся преимущественно в центре; классические университеты, ориентированные на подготовку кадров для науки, других вузов, а также для местных управленческих элит (Кузьминов и др., 2013: 23). В этой системе особая роль принадлежала так называемым флагманским вузам, которых государство наделяло особыми задачами – кадрового обеспечения остальных вузов, методического лидерства и развития национальной культуры (Лешуков, Фрумин, 2017: 22). Целенаправленное развертывание сети региональных вузов было следствием как нарастающей потребности регионов в кадрах, служило реализации задач развития территорий, так и сбоев в централизованном распределении специалистов, существенно ослабленном к 1970–1980-м годам. Предпринимались специальные меры по выравниванию качества и обеспечению доступности высшего образования в региональном разрезе, которые перестали работать в постсоветской России (Лисюткин, Фрумин, 2014: 18).

На место флагманских вузов, работавших на всю вузовскую систему, пришли назначенные «национальные чемпионы», которые действуют на конкурентном рынке образовательных услуг, получают мощную финансовую поддержку, но не обременены обязательствами методического, кадрового и управленческого обеспечения всей системы высшего образования. На возражения о влиянии «инициатив превосходства» на ускорение оттока из регионов наиболее подготовленных выпускников важнейшим доводом стало обоснование необходимости усиления мобильности абитуриентов, выпускников вузов, а также конкуренции регионов за человеческий капитал. Это означает, что назначенные и хорошо финансово обеспеченные «национальные чемпионы» оттягивают человеческие ресурсы из регионов, а последние должны их возвращать через конкуренцию, фактически лишаясь важнейших ресурсов самой этой конкуренции. То есть сглаживать неравенство как последствие конкуренции предлагается самой же конкуренцией.

Если зеркально, то для советского периода это было бы равнозначно продолжению концентрации вузов в столицах и выстраиванию все более жесткой системы централизованного распределения выпускников этих вузов для достижения мобильности, необходимой для социально-экономического развития страны. В советской же системе было принято решение о широком развертывании сети региональных вузов и их ресурсной поддержке (материально-технической и кадровой), в современной России – о повышении международной конкурентоспособности, концентрации ресурсов, что сопровождается фактическим свертыванием региональной сети, созданной ранее. Как замечают Я.И. Кузьминов, Д.С. Семенов и И.Д. Фрумин, при реализации данной политики «с каждым циклом сужается группа университетов, которым государство на конкурсной основе оказывает поддержку ... ограниченный сегмент вузов, обладающих научно-образовательным потенциалом мирового уровня и обеспечивающих национальную конкурентоспособность России, продолжит обособляться от основной части вузов» (Кузьминов и др., 2013: 54).

Свертывание региональной сети вузов происходит при парадоксальном сочетании, с одной стороны, «дерегионализации образовательной политики», перераспределения полномочий между центром и регионами, между исполнительной и законодательной властью в пользу центра и исполнительной власти (Майоров, 2012: 284). С другой стороны – масштабных нарушений автономии вузов не только со стороны центра, но и со стороны региональной власти, которое проявляется в навязывании кандидатур ректоров, стратегий развития вузов, их обременении

различными обязательствами и отчетами (Курбатова, 2016; Фадеева, Федосеева, 2015). Между тем такие подходы не отвечают принципам эффективного институционального проектирования: без поддержки акторами нового института весьма вероятен неуспех его развития, однако институциональные изменения в российском образовании иницируются и проводятся без какой-либо поддержки самих акторов (субъектов реформирования отрасли) (Volchik et al., 2019: 1419).

Таким образом, дифференциация российских вузов в 2000–2010 гг. пошла по пути развертывания вертикальной дифференциации, которая проявляется, прежде всего, в ресурсной стратификации. Ресурсное расслоение вузов было институционально закреплено, единство вузовской системы было разрушено. Стратификация вузов в российской образовательной политике стала инструментом финансовой оптимизации отрасли, а развитие сети региональных вузов оказалось глубоко вторичным. Большинство регионов России, в которых отсутствуют ведущие вузы, лишились возможности накапливать человеческий капитал. Как отмечается в исследовании Н.К. Габдрахманова, «можно говорить о формировании университетских оазисов и пустынь ... более половины территории Российской Федерации составляет образовательную (университетскую) пустыню» (Габдрахманов, 2019: 7).

Пространственное развитие России требует иных подходов. Особое значение имеет накопление человеческого капитала в регионах ресурсного типа, перед которыми стоят задачи сокращения уровня их ресурсной зависимости и диверсификации экономик.

Высшее образование в регионах ресурсного типа: статусные вузы и численность студентов

В современной России регионы существенно различаются по ресурсно-отраслевой специфике и институциональной организации экономик, а региональные разрывы углубляются. Регионы ресурсного типа характеризуются не просто высокой ресурсной обеспеченностью, но и разной степенью ресурсной зависимости. Они являются основными экспортерами, налогоплательщиками в федеральный бюджет, а также формируют спрос на продукцию других секторов экономики. Однако сами они сильно уязвимы, их социально-экономическое положение и развитие зависят от конъюнктуры мировых сырьевых рынков. В связи с этим особое значение приобретает кадровое обеспечение их социально-экономического развития, а значит и состояние их систем высшего образования. Исследовательский вопрос формулируется следующим образом: выделяются ли регионы ресурсного типа среди других регионов по численности студентов вузов (поток инвестиций в человеческий капитал) и другим характеристикам региональных образовательных систем?

Данная работа основывается на проведенной нечеткой типологизации регионов России по двум показателям (доля добывающих отраслей в ВРП и соотношение долей добывающих и обрабатывающих отраслей в ВРП, по данным 2016 года) и расчета комплексной оценки ресурсной зависимости (по шкале от 0 до 10). Проведенные расчеты позволили разделить российские регионы на ресурсные (27 регионов) и нересурсные (Курбатова и др., 2019). Среди регионов ресурсного типа выделены 4 группы: 7 регионов очень высокого уровня ресурсной зависимости (Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ, Магаданская область, Сахалинская область) с комплексной оценкой ресурсной зависимости в диапазоне 9,25–10; 6 регионов высокого уровня (Забайкальский край, Республика Коми, Томская область, Оренбургская область, Иркутская область, Кемеровская область) с комплексной оценкой в диапазоне 7,26–7,91; 11 регионов среднего уровня (Мурманская область, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Тюменская область без автономных округов, Республика Хакасия, Камчатский край, Республика Карелия, Самарская область, Красноярский край, Пермский край, Белгородская область) с комплексной оценкой в диапазоне 5,44–6,76; 3 региона с преобладанием добывающих отраслей над обрабатывающими при средней доле добывающих отраслей в ВРП (Республика Тыва, Астраханская область, Амурская область), с комплексной оценкой в диапазоне 8,13–8,73.

Рассмотрим подробнее некоторые сравнительные характеристики развития региональных систем высшего образования регионов ресурсного типа, такие как распределение статусных вузов по группам регионов; относительные показатели численности студентов по регионам и группам регионов; масштабы сокращения профессорско-преподавательского состава.

Таблица 1

Распределение статусных вузов по группам регионов

	Количество регионов	Вузы с особым статусом и федеральные университеты	Научно-исследовательские университеты	Опорные университеты	Участники программы «5–100»
Очень высокий уровень ресурсной зависимости	7	1	0	0	0
Преобладание добывающих отраслей над обрабатывающими при средней доле добывающих отраслей в ВРП	3	0	0	0	0
Высокий уровень ресурсной зависимости	6	0	3	2	2
Средний уровень ресурсной зависимости	11	2	6	8	4
Низкий уровень ресурсной зависимости	58	9	20	23	15
Всего	85	12	29	33	21

Источник: составлено авторами в процессе исследования.

Распределение статусных вузов по группам регионов показывает небольшую асимметрию: на долю регионов ресурсного типа (39% среди всех регионов) приходится менее трети всех статусных вузов, а вузов с особым статусом (МГУ и СПбГУ) и федеральных университетов – четверть. Если же из оценки исключить два традиционно сильных вузовских центра федерального уровня – Томск и Казань, на которые приходится 1 федеральный, 4 научно-исследовательских, 1 опорный университет и 3 вуза из проекта «5–100», то асимметрия становится существенно более явной.

В таблице 2 представлены показатели численности студентов, приведенные к различной базе. Росстат традиционно относит количество студентов к 10 тыс. чел. проживающих в регионе. Мы добавили к этому показателю долю студентов в населении региона «студенческих» возрастов – 17–21 год (Кашницкий и др., 2016), что позволяет более точно оценить дифференциацию региональных систем высшего образования. Из расчетов были исключены «аномальные» регионы – г. Москва, г. Санкт-Петербург и Томская область. Так, на 2018–2019 учебный год в г. Томске доля студентов в населении «студенческих» возрастов составила 105,7%, в г. Москве – 140,1%, в г. Санкт-Петербурге – 127,5%. Это – явное свидетельство существенного притока студентов из других регионов страны и из других стран.

Таблица 2

Некоторые характеристики численности студентов регионов различного уровня ресурсной зависимости за 2011/2012, 2018/2019 уч. годы

	Численность студентов на 10 тыс. чел. населения			Доля студентов в населении «студенческих» возрастов		
	2011/2012 (1)	2018/2019 (2)	(2)/(1), %	2011/2012 (3)	2018/2019 (4)	изменение, п/п
Очень высокий уровень ресурсной зависимости	279,43	130,00	46,5	50,43	26,67	–23,76
Преобладание добывающих отраслей над обрабатывающими при средней доле добывающих отраслей в ВРП	311,33	213,00	68,4	45,31	41,68	–3,63
Высокий уровень ресурсной зависимости	372,40	220,80	59,2	57,94	45,13	–12,81
Средний уровень ресурсной зависимости	435,00	248,00	57,0	69,75	54,94	–14,81
Низкий уровень ресурсной зависимости	399,81	240,04	60,0	61,88	52,55	–9,33

Источник данных: Росстат: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2015, 2019 гг. (https://gks.ru/bgd/regl/B19_14p/Main.htm); Росстат: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту (https://www.gks.ru/bgd/regl/b19_111/Main.htm).

Несмотря на то, что выделенные выше группы регионов весьма неоднородны по своим социально-экономическим и географическим характеристикам, можно сделать вывод о различиях между ними по интересующим нас показателям. Среди регионов ресурсного типа группы регионов с меньшей ресурсной зависимостью характеризуются большей численностью студентов как в общей численности населения, так и в численности населения «студенческих возрастов». Регионы с низким уровнем ресурсной зависимости (очень большая группа регионов разного уровня социально-экономического развития) по данным показателям несколько уступают регионам со средним уровнем ресурсной зависимости. Эти различия связаны как с особенностями региональных рынков труда, так и с различиями в мерах поддержки региональных систем высшего образования.

Регионы с высоким уровнем ресурсной зависимости – это в основном богатые регионы, которые традиционно обеспечиваются рабочей силой извне. Для них развитие собственных региональных систем высшего образования не является фактором, определяющим их социально-экономическое развитие. В этой группе регионов произошло самое большое сокращение доли студентов в численности населения «студенческих» возрастов (с 50,4% до 26,7%). Наибольшие потери наблюдаются в Ямало-Ненецком автономном округе, Магаданской и Сахалинской областях, наименьшие – в Республике Саха (Якутия), где базируется один их федеральных университетов.

Три региона с преобладанием добывающих отраслей над обрабатывающими при средней доле добывающих отраслей в ВРП (Республика Тыва, Астраханская область, Амурская область), хотя и характеризуются высокой комплексной оценкой ресурсной зависимости (в диапазоне 8,13–8,73), являются слабо развитыми регионами, в которых занятость в бюджетных отраслях существенно выше общероссийского уровня (в среднем почти на 10 п.п., особенно в Республике Тыва³). Доля лиц с высшим образованием среди занятых в этих регионах тоже несколько выше, чем в среднем по нестоличным регионам (33,3% при среднем значении 31,5%, медианном – 30,9%). Для этих регионов системы высшего образования имеют большее значение, однако они находятся на

³ Росстат: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2019 г. (https://gks.ru/bgd/regl/B19_14p/Main.htm).

российской образовательной периферии. В этой группе доля студентов в численности населения «студенческих» возрастов оказалась наиболее устойчивой.

В двух других группах регионов с ресурсной зависимостью рынки труда более разнообразны, предъявляют высокие требования к региональным системам высшего образования, которые становятся важнейшим фактором социально-экономического развития и диверсификации экономик.

Наблюдается общая тенденция снижения доли студентов как во всем населении (в расчете на 10000 чел.), так и в группе населения «студенческих возрастов» (17–21 лет). Однако можно заметить, что динамика сокращения числа студентов имеет весьма неравномерный характер. Изменение первого показателя принято связывать с общероссийскими демографическими процессами, поэтому второй показатель можно считать более адекватным, и его снижение менее выражено⁴.

В группе регионов с очень высоким уровнем ресурсной зависимости оба анализируемых показателя за 7 лет упали практически вдвое. В то же время наименьшее снижение испытали регионы с преобладанием добывающих отраслей над обрабатывающими при средней доле добывающих отраслей в ВРП (Республика Тыва, Астраханская область, Амурская область). Обе группы регионов изначально находились в худшем положении (по сравнению со средними показателями по РФ) (см. табл. 2). Так, на начало 2011/2012 учебного года из 10 наиболее ресурсных регионов 4 (Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа, а также Республика Тыва) имели показатель «студентообеспеченности» на 10 тыс. населения вдвое ниже среднероссийского значения, и три региона превышали его (Республика Саха, Магаданская и Астраханская области). По доле студентов в группе населения 17–21 год дело обстояло значительно хуже – лишь в Магаданской области этот показатель был выше среднероссийского. В 2018/2019 учебном году Магаданская область вышла из зоны благополучия, в ней по двум показателям осталась лишь Астраханская область.

В группе регионов с высокой и средней ресурсной зависимостью (16 регионов) ситуация относительно благополучная: на начало 2011/2012 учебного года Самарская, Иркутская, Белгородская и Тюменская области (без а/о), Камчатский край, республики Татарстан и Удмуртия превышали среднероссийские показатели студентообеспеченности, как по отношению ко всему населению, так и к населению в студенческих возрастах. Мурманская область даже имела один из самых высоких по стране показателей числа студентов на 10 тыс. населения. К 2018/2019 учебном году два региона из этой группы нарастили относительную численность студентов по когортному показателю (Томская область и Татарстан), Камчатский край вышел из числа благополучных (т.е. с показателями выше среднероссийских). Красноярский край «подростил» показатели до уровня, слегка превышающего среднероссийский. 9 регионов из 17 умеренно или значительно отстали. Сохранить или даже немного нарастить показатели по численности студентов удалось регионам ресурсного типа, в которых были размещены статусные вузы (федеральные университеты и научно-исследовательские университеты).

В группе регионов с низким уровнем ресурсной зависимости сосредоточены города и области с наиболее высоким относительным количеством студентов. Кроме Москвы и Санкт-Петербурга, это – Орловская, Омская, Воронежская, Курская и Новосибирская области с показателями доли студентов в группе населения студенческих возрастов выше 75% (2019 г.). В целом же, как видно из таблицы 2, все относительные показатели «студентообеспеченности» в 2018/2019 гг. равномерно и последовательно падают с нарастанием уровня ресурсной зависимости. В 2011/2012 гг. эта зависимость не была настолько выражена.

Несколько вырос и уровень неоднородности регионов по показателю доли студентов в населении студенческих возрастов. Об этом свидетельствует увеличение коэффициента вариации с 34,2 до 44,4 (рассчитано с учетом «аномальных» регионов). Выводы о росте дифференциации регионов по числу студентов подтверждаются и анализом внутригрупповых различий на основе расчетов соответствующих коэффициентов вариации. Чем ниже уровень ресурсной зависимости, тем более однородны регионы по показателю доли студентов в населении студенческих

⁴ Впрочем, можно предположить, что уменьшение доли студентов в этой возрастной когорте может происходить и потому, что молодежь чаще поступает не в вузы, а в учреждения СПО.

возрастов. Так, группы регионов с низким, средним и средне-высоким уровнями ресурсной зависимости в 2011/2012 учебном году были практически однородны по этому показателю (CV на уровне 15–25%). Данные за 2018/2019 учебный год демонстрируют рост неоднородности значений анализируемого показателя во всех группах регионов с уровнем выше среднего и остаются очень высокими в группе наиболее ресурсозависимых регионов (CV на уровне 68–71%).

Следствием сокращения численности студентов и политики жесткой оптимизации стало и сокращение профессорско-преподавательского состава вузов. На рис. 1 представлены масштабы сокращения профессорско-преподавательского состава по группам регионов.

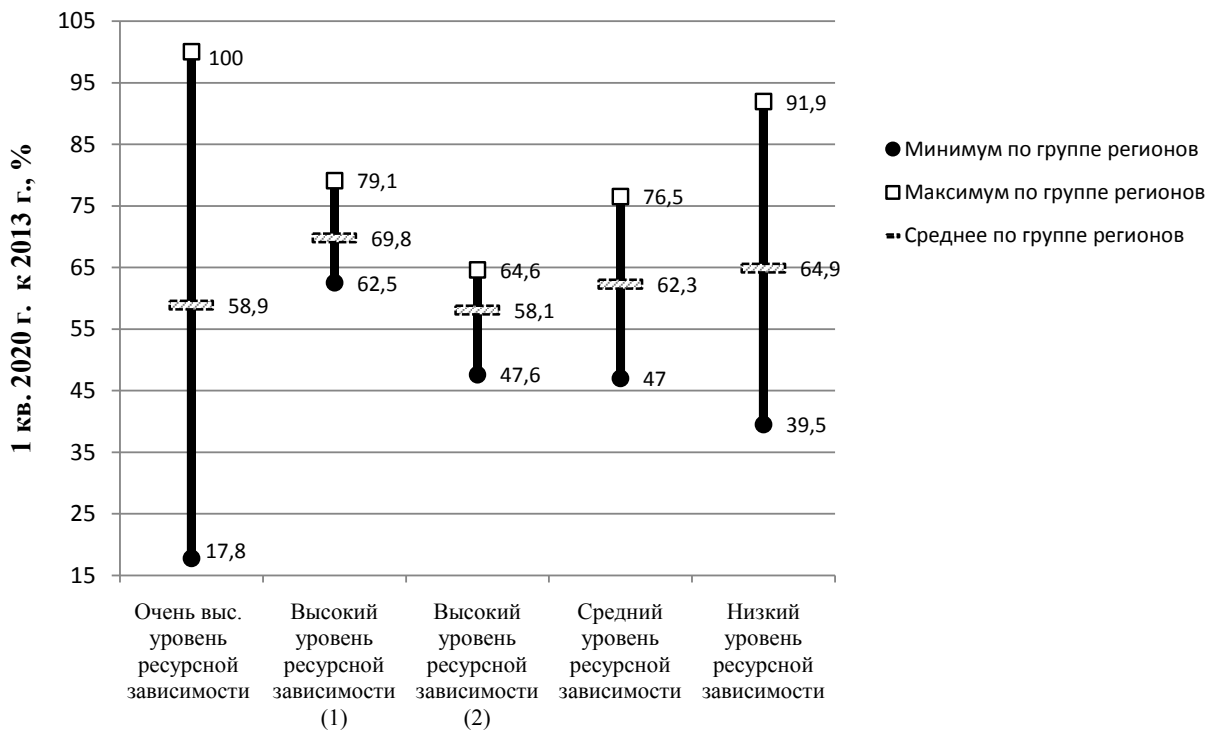

Рис. 1. Численность ППС в 1 кв. 2020 г. по сравнению с 2013 г., по группам регионов

Источник: рассчитано авторами по: Росстат. Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки (https://gks.ru/labor_market_employment_salaries).

В целом российская система высшего образования потеряла за период оптимизации численности ППС, связанной с переходом к «эффективному контракту» (росту зарплат преподавателей до 200% от уровня средней по региону) 36% численности ППС (1 кв. 2020 г.). Регионы ресурсного типа в целом «сбросили» численность вузовских преподавателей значительно больше, чем «нересурсные» (на 39% против 35% в нересурсных). Наиболее значительный «вклад» в ее сокращения внесли Ямало-Ненецкий автономный округ, а также Магаданская область и Мурманская области, Камчатский край, Кемеровская и Сахалинская области. В данном случае сокращение численности вузовских преподавателей в региональных системах высшего образования в большей степени связано с формальным статусом их вузов (Курбатова, Донова, 2019а), а не с типологией регионов.

Таким образом, позиции региональных систем высшего образования регионов ресурсного типа в российской системе высшего образования ухудшаются, что проявляется в проигрыше конкуренции за статусные позиции вузов, худших показателях по численности студентов и больших масштабах потерь профессорско-преподавательского состава. Позиции удерживают региональные системы высшего образования традиционно сильных вузовских центров и регионов размещения статусных вузов.

Ухудшение положения региональных систем высшего образования становится проблемой, приобретающей общественную значимость. Так, в конце 2019 года Счетная палата РФ приступила к комплексному анализу деятельности высших учебных заведений. По результатам первой проверки (в опорном Владимирском государственном университете им. Столетовых и классическом Ивановском государственном университете) вынесены следующие заключения: «национальные проекты сейчас практически игнорируют вузы «второго эшелона»; «эти вузы имеют ограниченные возможности для формирования такого человеческого капитала, который мог бы в будущем перезапустить региональную экономику». Счетной палатой зафиксированы: недостаточный уровень финансирования; выделение Минобрнаукой незначительных контрольных цифр приема по некоторым направлениям обучения вузов; резкое сокращение ассигнований из федерального бюджета на научные исследования. Сделан вывод: «основным фактором, сдерживающим развитие университетов, выступает ограниченность ресурсов для обновления и развития материально-технической базы, обеспечивающей их привлекательность на рынке образовательных услуг»⁵. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 поставлена задача: «необходимо не просто увеличивать цифры приема, а серьезно, с участием бизнеса, работодателей заняться развитием университетов и вузов в регионах, включая укрепление их учебной, исследовательской и социальной инфраструктуры, системы постоянной подготовки и повышения квалификации преподавателей региональных вузов, чтобы студенты могли получать современные знания, начать успешную карьеру на своей малой родине»⁶. Министерство науки и высшего образования РФ приступило к увеличению числа бюджетных мест в региональных вузах⁷.

Тем не менее представляется, что в условиях сформировавшегося институционального дизайна высшего образования, ориентированного прежде всего на формирование «национальных чемпионов», данные решения вряд ли смогут привести к более равномерному развитию региональных систем высшего образования.

Выводы

Как показало проведенное исследование, образовательное пространство России дифференцируется в условиях реализации различных проектов стратификации российских университетов и концентрации финансовых ресурсов в статусных вузах. Формируются потоки не только финансовых ресурсов из регионов в центр, но и потоки человеческого капитала. Происходит не просто локализация региональных систем высшего образования, в основе которой лежат различия в запросах непосредственных потребителей (домохозяйств) и заинтересованных лиц (бизнеса и субъектов, ответственных за развитие регионов). Формируются высокие риски сегментации российской системы высшего образования, выталкивания и закрепления региональных вузов на ее низшем уровне как следствие усиления ресурсной стратификации вузов.

Тенденция к сегментации становится следствием реформирования системы высшего образования без учета проблем пространственного развития страны. Реализация «инициатив превосходства» сопровождается отстранением «национальных чемпионов» от проблем развития российской вузовской системы, нарастают проявления «академического капитализма», в том числе масштабное перераспределение в статусные вузы наиболее квалифицированных профессорско-преподавательских кадров, наиболее подготовленных абитуриентов и студентов. Человеческий капитал утекает из регионов, которые так и не получают отдачи от вложений в довузовское образование. Социальная стратификация вузов в данных условиях становится важнейшим фактором усиления социально-экономической неравномерности развития территорий.

Региональные системы высшего образования в регионах ресурсного типа (за редким исключением) оказались в относительно худшем положении, как по базированию статусных вузов, так и по динамике численности студентов. Ресурсная стратификация вузов идет в направлении

⁵ <http://www.ach.gov.ru/checks/9611>

⁶ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/

⁷ https://www.vedomosti.ru/society/news/2020/12/06/849717-minobrnauki-namereno-do-2024-goda-uvelichivat-chislo-byudzhethnih-mest-v-regionalnih-vuzah?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1607509532000

развертывания процессов сегментации, формирования высоких барьеров между региональными системами высшего образования, выталкивающих из регионов наиболее способных абитуриентов и запускающих отрицательный отбор населения по уровню запасов человеческого капитала.

При наблюдаемом развитии систем высшего образования регионов ресурсного типа просматриваются все же разные тенденции. Для одних регионов – это переход к рекрутированию кадров на ограниченный срок работы с последующим отъездом из регионов, как крайний вариант – к полностью вахтовой занятости. Для других – закрепление ниш отраслевой специализации, в том числе вследствие оттока наиболее конкурентоспособных работников. Для третьих – сохраняются и даже увеличиваются возможности для диверсификации. К сожалению, шансы регионов ресурсного типа на третий исход все более зависят от ведомственных интересов Минобрнауки (концентрации ресурсов у «национальных чемпионов»), а не от стратегий социально-экономического развития страны.

Литература / References

- Абанкина, И.В., Алескеров, Ф.Т., Белоусова, В.Ю., Гохберг, Л.М., Зиньковский, К.В., Кисельгоф, С.Г., Швыдун, С.В. (2013) Типология и анализ научно-образовательной результативности российских вузов // *Форсайт* 7(3): 48–63. [Abankina, I., Aleskerov, F., Belousova, V., Gokhberg, L., Zinkovsky, K., Kiselgof, S., Shvydun, S. (2013). A typology and analysis of Russian universities' performance in education and research. *Foresight-Russia* 7(3): 48–63. (In Russian.)]
- Аврус, А.И. (2001). *История российских университетов: Очерки*. М.: Московский общественный научный фонд. [Avrus, A.I. (2001). *History of the Russian Universities: Essays*. Moscow: Moskovsky obshchestvenny nauchny fond Publ. (In Russian.)]
- Балацкий, Е.В. (2015). Новые тренды в развитии университетского сектора // *Мир России* (4): 72–98. [Balatsky, E. (2015). New trends in the development of the university sector. *Mir Rossii* 24(4): 72–98. (In Russian.)]
- Вашурина, Е.В., Евдокимова, Я.Ш., Овчинников, М.Н. (2014). О некоторых подходах к разработке типологии российских вузов // *Университетское управление: практика и анализ* (4–5): 21–27. [Vashurina, E.V., Evdokimova, Ja.Sh., Ovchinnikov, M.N. (2014). Some approaches to the development of a typology of Russian universities. *University Management: Practice and Analysis* (4-5): 21–27. (In Russian.)]
- Вольчик, В.В. (2013). Реформирование российской системы высшего образования: роль мифов и институтов // *Terra Economicus* 11(2): 94–103. [Volchik, V. (2013). Reformation of the Russian higher education system: The role of myths and institutions. *Terra economicus* 11(2): 94–103. (In Russian.)]
- Вольчик, В.В., Фурса, Е.В., Оганесян, А.А., Кривошеева-Медянцева, Д.Д. (2016). Адаптивное поведение и институты в организации учебного процесса // *Terra Economicus* 14(4): 119–141. [Volchik, V.V., Fursa, E.V., Oganesyanyan, A.A., Krivosheeva-Medyantseva, D.D. (2016). Adaptive behavior and institutions: Examining the organization of higher education in Russia. *Terra Economicus* 14(4): 119–141. (In Russian.) doi: 10.18522/2073-6606-2016-14-4-119-141]
- Габдрахманов, Н.К. (2019). Концентрация студентов в системе высшего образования на карте Российской Федерации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика* 27(1): 7–17. [Gabdrahmanov, N.K. (2019). Concentration of students in higher education on the map of the Russian Federation. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika – RUDN Journal of Economics* 27(1): 7–17. (In Russian.)]
- Дуглас, Д.О. (2011). Новый мировой порядок в высшем образовании: как и почему правительства создают структурированные рынки возможностей // *Вопросы образования / Educational Studies Moscow* (1): 73–98. [Douglass, J. (2011). Higher education's new global order: How and why governments are creating structured opportunity markets. *Educational Studies Moscow* (1): 73–98. (In Russian.)]

- Кашницкий, И.С., Мкртчян, Н.В., Лешуков, О.В. (2016). Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // *Вопросы образования / Educational Studies Moscow* (3): 169–203. [Kashnitsky, I., Mkrtychyan, N., Leshukov, O. (2016). Interregional migration of youths in Russia: A comprehensive analysis of demographic statistics. *Educational Studies Moscow* (3): 169–203. (In Russian.)]
- Князев, Е.А., Дрантусова, Н.В. (2013). Институциональный ландшафт высшего образования в России: ключевые векторы развития // *Вестник международных организаций* (1): 264–273. [Knyazev, E.A., Drantusova, N.V. (2013). Institutional landscape of the higher education in Russia: Vectors of development. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii – International Organizations Research Journal* 8(1): 264–273. (In Russian.)]
- Кранзеева, Е.А. (2017). Новые модели университетов: вклад в региональное развитие // *Университетское управление: практика и анализ* (5): 64–73. [Kranzeeva, E.A. (2017). New university models: Contribution to regional development. *University Management: Practice and Analysis* 21(5): 64–73. (In Russian.)]
- Кузьминов, Я.И., Семенов, Д.С., Фрумин, И.Д. (2013). Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // *Вопросы образования / Educational Studies Moscow* (4): 8–69. [Kuzminov, Y., Semyonov, D., Froumin, I. (2013). University network structure: From the Soviet to the Russian “Master Plan”. *Educational Studies Moscow* (4): 8–69. (In Russian.)]
- Курбатова, М.В. (2016). Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия // *Мир России* (4): 59–86. [Kurbatova, M. (2016). Higher education reform as an institutional project of the Russian bureaucracy: The content and the outcomes. *Mir Rossii* 25(4): 59–86. (In Russian.)]
- Курбатова, М.В., Донова, И.В. (2019а). Эффективный контракт преподавателя вуза как институциональный проект, с. 276–291 / В кн.: / А.П. Заостровцев (ред.) *Институциональная экономическая теория: история, проблемы и перспективы*. СПб.: Леонтьевский центр. [Kurbatova, M.V., Donova, I.V. (2019a). Effective contract of university lecturer as an institutional project, pp. 276–291. A. Zaostrovtssev (ed.) *Institutional Economic Theory: History, Problems and Prospects*. St. Petersburg: International Centre for Social and Economic Research “Leontief Centre”. (In Russian.)]
- Курбатова, М.В., Донова, И.В. (2019b). Эффективный контракт в высшем образовании: результаты реализации проекта // *Journal of Institutional Studies* 11(2): 122–145. doi: 10.17835/2076-6297.2019.11.2.122-145 [Kurbatova, M.V., Donova, I.V. (2019b). Effective contract in higher education: Some results of project implementation. *Journal of Institutional Studies* 11(2): 122–145. doi: 10.17835/2076-6297.2019.11.2.122-145 (In Russian.)]
- Курбатова, М.В., Левин, С.Н., Каган, Е.С., Кислицын, Д.В. (2019). Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация // *Terra Economicus* 17(3): 89–106. doi: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106 [Kurbatova, M.V., Levin, S.N., Kagan, E.S., Kislitsyn, D.V. (2019). Resource-type regions in Russia: Definition and classification. *Terra Economicus* 17(3): 89–106. doi: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106 (In Russian.)]
- Лешуков, О.В., Фрумин, И.Д. (2017). Флагманские университеты: от советского опыта к поиску новой модели // *Университетское управление: практика и анализ* (4): 22–29. [Leshukov, O.V., Frumin, I.D. (2017). Flagship universities: From the Soviet experience to the search for a new model. *University Management: Practice and Analysis* 21(4): 22–28. (In Russian.)]
- Лисюткин, М.А. (2017). О возможных причинах ухудшения ресурсной базы вузов // *Вопросы образования / Educational Studies Moscow* (2): 74–94. [Lisyutkin, M. (2017). On possible reasons for university resource base decline. *Educational Studies Moscow* (2): 74–94. (In Russian.)]
- Лисюткин, М.А., Фрумин, И.Д. (2014). Как деградируют университеты? К постановке проблемы // *Университетское управление: практика и анализ* (4–5): 12–20. [Lisyutkin, M.A., Froumin, I.D. (2014). How universities degrade? Towards the problem statement] *University Management: Practice and Analysis* (4-5): 12–20. (In Russian.)]
- Майоров, А.Н. (2012). Проблемы и риски концентрации властных полномочий в системе управления образованием // *Вопросы образования / Educational Studies Moscow* (3): 274–287.

- [Mayorov, A. (2012). Challenges and risks of centralization of powers in education management. *Educational Studies Moscow* (3): 274–287. (In Russian.)]
- Таловская, Б.М., Лисюткин, М.А. (2018). О ресурсной стратификации российских вузов // *Университетское управление: практика и анализ* (6): 24–35. [Talovskaya, B.M., Lisyutkin, M.A. (2018). On the resource stratification of Russian universities. *University Management: Practice and Analysis* (6): 24–35. (In Russian.)]
- Тамбовцев, В.Л., Рождественская, И.А. (2014). Реформа высшего образования в России: международный опыт и экономическая теория // *Вопросы экономики* (5): 97–108. [Tambovtsev, V.L., Rozhdestvenskaya, I.A. (2014). Reform of higher education in Russia: International experience and economic theory. *Voprosy ekonomiki* (5): 97–108. (In Russian.)]
- Унгер, М., Полт, В. (2017). «Треугольник знаний» между сферами науки, образования и инноваций: концептуальная дискуссия // *Форсайт* (2): 10–26. [Unger, M., Polt, W. (2017) The knowledge triangle between research, education and innovation – A conceptual discussion]. *Foresight-Russia* (2): 10–26 (In Russian.)]
- Фадеева, И.М., Федосеева, М.В. (2015). Самочувствие преподавателя в обществе, профессии, вузе // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены* (6): 153–163. [Fadeeva, I.M., Fedoseeva, M.V. (2015). Subjective well-being of university teacher in society, in profession and in university. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: Jekonomicheskie i social'nye peremeny* [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (6): 153–163. (In Russian.)]
- Abel, J.R., Deitz, R. (2011). Do colleges and universities increase their region's human capital? *Journal of Economic Geography* **12**(3): 667–691.
- Barbato, G., Turri, M. (2019). What do positioning paths of universities tell about the diversity of higher education systems? An exploratory study. *Studies in Higher Education* **45**(2): 1–14.
- Bluestone, B. (1993). *UMASS/Boston: An economic impact analysis*. Boston: John W. McCormack Institute of Public Affairs, The University of Massachusetts.
- Cervantes, M. (2017). Higher education institutions in the knowledge triangle. *Foresight and STI Governance* **11**(2): 27–42.
- Ciriaci, D. (2014). Does university quality influence the interregional mobility of students and graduates? The case of Italy. *Regional Studies* **48**(10): 1592–1608.
- Faggian, A. (2006). Human capital flows and regional knowledge assets: a simultaneous equation approach *Oxford Economic Papers* **58**(3): 475–500.
- Faggian, A., McCann, Ph. (2009). Universities, agglomerations and graduate human capital mobility. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie* **100**(2): 210–223.
- Hagood, L.P. (2019). The financial benefits and burdens of performance funding in higher education. *Educational Evaluation and Policy Analysis* **41**(2): 189–213.
- Harris, M.S. (2020). An empirical typology of the institutional diversity of U.S. colleges and universities. *Innovative Higher Education* **45**(3): 183–199.
- Slaughter, S., Cantwell, B. (2012). Transatlantic moves to the market: The United States and the European Union. *Higher Education* **63**(5): 583–606.
- Slaughter, S., Taylor, B.J. (Eds.) (2016). *Higher education, stratification, and workforce development: Competitive advantage in Europe, the US, and Canada*. Springer International Publishing. doi: 10.1007/978-3-319-21512-9
- Volchik, V., Zhuk, A., Oganessian, A., Abrhám, J. (2019). Analysis of the institutional building and sustainable development of higher education in transition economies. *Entrepreneurship and Sustainability Issues* **7**(2): 1413–1423. [https://doi.org/10.9770/jesi.2019.7.2\(43\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2019.7.2(43))
- Wang, D. (2019). Performance-based resource allocation for higher education institutions in China. *Socio-Economic Planning Sciences* **65**: 66–75.